

...ищет искать эту сверхзадачу в историографическом пантеоне археологических тайн. Давным давно ясно, что Шукин и Мачинский решают проблемы, которые сами ставят к своему действительному удовольствию. Кажется, будто это действительно искусство, будто это происхождение сарматского звериного стиля.

**Научно-образовательный центр
«РУДЬ — МЭТОНИУМ»**

На этом сходство юбилейных обшей-то и заканчивается. И если попытаться все тайны реконструировать ту самую сверхзадачу или сверхпроблему, которую всю жизнь решают Шукин и Мачинский, то в итоге получится ощущение странности. Это ощущение странности возникает в тот момент, когда мы пытаемся понять, что же такое «Европейская Сарматия».

«Европейская Сарматия»

Сборник статей к 60-летию
Д. А. Мачинского и М. Б. Шукина

Предисловие

Этот сборник посвящен двум русским археологам - Дмитрию Алексеевичу Мачинскому и Марку Борисовичу Шукину. Для тех, кто хорошо знаком с их творчеством, подобное посвящение покажется достаточно естественным, не нуждающимся в каких-либо особых объяснениях. Но есть, оказывается, и вполне официальный повод. Вернее, их даже два. В 1997 году и Шукину, и Мачинскому исполняется 60 лет. В этом же году целая генерация петербургских археологов отмечает двадцатипятилетие семинара, с которого началась педагогическая деятельность юбиляров. Назывался он тогда "Европейская Сарматия" и скрывалась под этим странным названием аллюзии к пониманию этого термина некоторыми древними и средневековыми авторами от Полибия, Мелы и Птолемея до Мацея Меховского - вся Восточная и Центральная Европа от Эльбы до Дона и Уральских гор, от Сарматского Океана - Балтики до Понта Евксинского. Отсюда и титул сборника.

Немного совпадает в биографиях Шукина и Мачинского. Не смотря на то, что оба родились в одном и том же 1937 году, под одним и тем же созвездием Весов, любители гороскопов будут разочарованы досадным отклонением от испытанных астрологических схем. Даже при некоторых совпадениях научных интересов, пересекавшихся в таких вечных проблемах отечественной историографии как происхождение зарубинецкой культуры, кельтских древностей Восточной Европы, происхождение славян тем не менее ясно, что не существовало и не существует никакого творческого тандема Шукина-Мачинского. Они не производили и не производят впечатления научных соратников. За исключением единственной рецензии в соавторстве с К.В.Каспаровой у них нет ни одной совместной публикации. Даже слушатели их первого семинара обратили внимание на то, что Шукин и Мачинский находились как бы все время рядом, но никогда - вдвоем. Л.С.Клейн их отличия подчеркнул еще более контрастно, отнеся Мачинского к мистикам от археологии, а Шукина к респектабельному направлению эшелонированной археологии.

И все же есть нечто предельно важное, что столь однозначно сближает Шукина и Мачинского, заставляет говорить о них одновременно, посвящать в их честь сборник статей и устраивать юбилейные чтения.

После выхода "Рубежа эр" Шукина и "Древа России" Мачинского последние сомнения исчезли. В далекой от популярных интеллигентских идолов археологии, на окраине актуализированной и заболтанной русской культуры конца двадцатого столетия возник уникальный феномен знания, реальности и языка. Возник почти незаметно, исподволь. Феномен этот пока не узнан. У него нет названия. И пока быть не может. Ясно пока одно - это не только археология. То, о чем пишут Мачинский и Шукин, уже давно перестало быть репликами на археологическую проблематику с ее любовью к типологиям, классификациям, скромному высиживанию идейки о судьбе каких-нибудь памятников какого-то там облика. Трудно в это поверить, но ни Шукин, ни Мачинский не создали ни одной мало-мальски действующей археологической типологии, а судьба памятников какого-то там облика в их работах всегда выяснялась попутно с решением десятка аналогичных проблемных ситуаций. Они склонны типологизировать не горшки и фибулы (хотя именно они, пожалуй, особенно постарались, чтобы привить любовь к подобному занятию у молодого поколения археологов), а целые культурные миры (Шукин пишет о семи мирах древней Европы, Мачинский рассуждает о культурных мирах Евразии). Складывается впечатление, что судьбы культур, их происхождение в работах Шукина и Мачинского всегда выступают чем-то промежуточным на пути к какой-то главной интерпретационной задаче, которая никогда и нигде не была сформулирована ими явно. Не

стоит искать эту сверхзадачу в историографическом пантеоне археологических тайн. Давным давно ясно, что Шукин и Мачинский решают проблемы, которые сами ставят к своему собственному удовольствию, но делают они это так тонко и хитро, что кажется, будто это действительно насущнейшие из известнейших проблем археологии, будь то происхождение скифского звериного стиля, происхождение славян, или готская проблема.

На этом сходство юбиляров в общем-то и заканчивается. И если попытаться все таки реконструировать ту самую сверхзадачу или сверхпроблему, которую всю жизнь решают порознь Шукин с Мачинским, то обнаружится колоссальное различие в ощущении этой сверхпроблемы обоими авторами, в методах ее решения, а заодно проступят достаточно странные черты в портретах двух ученых.

Мачинский всегда один. Говорят, что у него есть ученики. Об этом говорят сами ученики Мачинского. Но это не лишает его таинственного ореола одинокого исследователя. Даже Л.С.Клейн в своей классификации советских археологов ("Феномен советской археологии") не сумел найти подходящую пару-тройку единомышленников Мачинского, чтобы представить его в каком-либо "типичном" окружении. Объяснение этому одиночеству достаточно банально. Это неисчерпаемое новаторство Мачинского. А точнее - шокирующее новаторство. И если *post factum* об этом можно восхищенно писать, то в самый момент высказывания Мачинским очередной своей идеи, вряд ли кто-либо осмелился бы немедленно ее поддержать. Он никогда не высказывал идей, которые носятся в воздухе. Они всегда были из будущего. А их аргументация казалась непривычно поверхностной. Уже приводился целый список проблем, впервые поставленных и решенных Мачинским. Список этот будет расти и дальше, а вместе с ним и одиночество Мачинского. Как-то Мачинский рассказывал, что в школе, после урока по истории средних веков, мальчишки их класса стали играть в католиков и гугенотов. Игра быстро наскучила им, но Мачинский с приятелем так и остались вечными гугенотами чуть ли не до завершения школы. Быть в одиночестве - это правило его жизни и видимо, попытка обезопасить себя от чужих глупостей, которые иногда так красиво выглядят.

Мачинский политизирован. Он все время обсуждает какие-то суперсовременные новости и телевизионные передачи. Он помнит фамилии министров и ведущих популярных передач. Его можно увидеть на митингах, по телевизору, а его фамилия на слуху в самых избранных интеллигентских тусовках Санкт-Петербурга. И здесь как-то очень явно приоткрывается та самая вышеупомянутая сверхзадача Мачинского-археолога. Мачинский - археолог России. То есть специалист по тем древним процессам, которые привели к появлению этого культурного и политического феномена. Происхождение славян очень быстро у Мачинского оказалось связанным с происхождением Руси. А древнейшее скифское и индо-арийское прошлое быстро предстало в его исследованиях в облике проблемы ментального прошлого некой супертерритории - Скифии-Руси. Гугенота-вольнодумца меньше всего интересует свобода, его интересует то, от чего он зависим - государство и религиозная структура. Не случайно очень быстро Мачинский потерял интерес к безалаберным бастарнам, политически неорганизованным кельтам и обратился на Восток. Там тайны, культурные пласты, ментальные сдвиги, видения, чакры. В общем, там в мире традиций у Мачинского Россия.

Мачинский говорит лучше Шукина. Кажется, что он умеет говорить лучше всех. Шукин пишет лучше Мачинского. Может быть Шукин пишет для тех, кто, затаив дыхание, слушает Мачинского. В возможностях мистифицировать аудиторию, в данном случае читающую, Шукин, кажется, добился самых ярких результатов. Типичная картина: в клубах дыма от "Беломора" и дорогого трубочного табака, среди бронзовых подсвечников, стеллажей с фолиантами в элегантных переплетах, во главе стола Марк Борисович читает главу новой книги. Места за столом строго расписаны. Справа в кресле Петя Шувалов, слева Веня Лавров. Все помнят, что когда-то на месте Лаврова сидел Володя Еременко. Это домашний семинар Шукина, внешне напоминающий сходку друидов. Законы здесь не писаны, но соблюдаются строго самими семинаристами. Никакой нарочитости в создании особой загадочной атмосферы нет, но атмосфера присутствует, особенно когда Шукин читает главу новой книги. Друида легко распознать по деталям, и именно они производят впечатление. "Семь миров древней Европы", "Семь сезонов Славяно-Сарматской экспедиции", "О трех путях балто-черноморских связей", "Три

датировки черняховской культуры”, “Третий мир древней Европы”, “Три пути поиска раннеисторических славян”, “Четыре загадки кимвров и тевтонов”, “Тринадцать секвенций черняховской культуры”. Щукина трудно представить вне этого мира случайно совпавших цифр, клубов дыма, бронзовых подсвечников и внимающих учеников, вне мира, который он создал сам, но так похожего на мир “ускользающих нюансов”, расплывчатый образ улыбки “чеширского кота”.

Щукина меньше всего интересует государство, а еще меньше религиозные структуры и системы. Вечная охота за короткими датами, за узкодатирующимися вещами, апелляции к строгим хронологическим системам западно-европейской археологии выдают совершенно определенную цель его исторических реконструкций - добраться до отдельного человека. Того самого, который не просто часть какой-то там культуры, который не просто носитель всяких там триад и бинарных оппозиций, а который принимает решения, совершает абсурдные и нелогичные поступки, из-за которых, собственно, и рушатся культуры и сменяются религиозные системы. Щукин часто начинает разбор той или иной исторической ситуации с того, с кем был знаком дядя Страбона и кто был современником Фарзоя. И в этой картинке очень комфортно занимают свои места и фибулы, и комплексы, и военные конфликты, и коллизии личной жизни Клеопатры. И если даже отдельный факт оказался не верен, а датировка фибул сместилась, остается главное - ощущение, вкус, цвет и запах эпохи. Как будто действительно совершаешь путешествие во времени. Стиль Щукина усиливает впечатление. Несколько фамильярно назвав очередной мелькнувший на пол-строчки в письменных источниках народишко “публикой” он часто выдает свою симпатию к этой публике отсутствием обвинительных эпитетов. Щукин явно неравнодушен к такой публике, особенно если она без роду и племени, находя для нее интересные и парадоксальные определения (наиболее популярное: “Бастарны были бастарнами”). Прошлое для Щукина - это не фундаментальная традиция-парадигма, а непрерывающаяся нить общения, образующая странные и витиеватые узоры. Настоящее для него практически то же самое. Он не ходит на митинги, тушует в большой и незнакомой аудитории, не смотрит телевизор и совершенно не знает имен министров. Когда на Кавказе начинается очередная война, Щукин садится писать статью об аланах, чтобы успеть прочитать ее к следующему семинару. В конце концов общаются люди не на митингах и не при помощи телевизоров, а за стаканом вина, покуривая сигареты в кругу красивых женщин. И в этих ситуациях нет начальников, нет подчиненных, а есть говорящий и внимательно слушающий.

Мачинскому и Щукину - 60. И они - классики. Нам, отстающим от них на целое поколение, остается только учиться у них не бояться быть непреклонными гугенотами и не бояться вслушиваться в странное бормотание оппонента, даже если этот оппонент - прошлое.

Марк Ткачук, Олег Шаров.